

Хронотоп и герой в рассказе «Древний человек» И.А. Бунина

© Ю.С. ПОПОВА,

кандидат филологических наук

Статья посвящена проблеме интерпретации образа героя и времени-пространства в рассказе И.А. Бунина «Древний человек». Выявлены художественные доминанты этого образа и ряд мотивов, актуализированных им, связь пространственно-временных координат, которые обеспечивают целостное восприятие художественной действительности и организуют произведение.

Ключевые слова: хронотоп, герой, мотив, портрет, сенсорные образы, проза, И.А. Бунин.

DOI: 10.31857/S013161170001257-1

The article is devoted to the problem of interpretation of the hero and time-space in the story of I.A. Bunin «The Ancient Man». The artistic dominants of this image and a number of motives actualized by him are revealed, as well as the relationship of space-time coordinates that provide a holistic perception of artistic reality and organize the work.

Keywords: chronotop, hero, motive, portrait, sensory images, prose, I.A. Bunin.

Рассказ «Древний человек» (1911 год) посвящен теме, которая всегда интересовала И.А. Бунина — теме памяти и воспоминаний. Сам автор

в своем дневнике отмечает этот интерес: «Лежали с Колей на соломе. О Петре Николаевиче — как интересна психика человека, прожившего такую изумительно однообразную и от всех внутренне сокровенную жизнь! Что должен чувствовать такой человек? Все одно и то же: дожди, мороз, метель, Иван Федоров... Потом о Таганке: какой редкий, ни на кого не похожий человек! И он — сколько этого однообразия пережил и он! За его век все лицо земли изменилось, и как он одинок! Когда умерли его отец и мать? Что это были за люди? Все его сверстники и все дети их детей уже давно-давно в земле... Как он сидел вчера, когда мы проходили, как головой ворочал! Сапан! Из жизни долголетнего человека можно написать настоящую трагедию. Чем больше жизнь, тем больше, страшней должна казаться смерть. В 80 лет можно надеяться до 100 дожить. Но в 100? Больше не живут, смерть неминуема. А при таком долголетии как привыкает человек жить!» [1. С. 80].

Рассказ представляет собой путешествие молодого учителя к человеку, который прожил сто восемь лет. Путешествие героя — это не только перемещение в физическом плане, но и попытка заглянуть в прошлое и одновременно понять смысл существования человека на земле. Бунин объединяет пространственные и временные характеристики в единый хронотоп, когда одно невозможно без другого. Рассказ начинается с четкого обозначения времени — август, но сразу автор делает уточнение, что это не жаркий, летний месяц, а предвкушение осени, которая является в его художественном мире символом спокойствия, а в общекультурном пространстве и символом старости. В тексте автор сразу же дает обозначение пространства — путь учителя Иваницкого на пологую гору. Эта дорога должна дать ответ на главный вопрос, который является основным мотивом всего рассказа: в чем смысл жизни?

Несмотря на движение героя по одной траектории, пространство рассказа не сводится к ограниченному месту. Перед читателем предстает панорама, где природное начало и крестьянский быт слиты в единое целое. Автор акцентирует внимание на открытости пространства, в нем много деталей: «И все это, — мох на кузне, псарня, заросшая лопухами, голые стропила над розовыми стенами, — все так чудесно на ясном голубом небе среди белых круглых облаков. На огромном пустыре гумна воробьи ливнем пересыпаются с одной крапивной чащи на другую» [2. С. 179], «...а между ними — проезд на бесконечное и тоже пустое гумно». Текст наполнен сенсорными образами. Автор охватывает все сферы человеческого познания окружающего мира (это цвет, запах, звук, осязание). Природа представлена Буниным разнообразными красками: «Сентябрь и в верхушках лозин, кое-где растущих перед избами и сквозящих мелкой, желтеющей листвой на белых облаках и лазури», «за конопляниками сереют риги, желтеют новые скирды», «...сушилки из розовых кирпичей...», «за этими чашами поднимается порозовевший осинник...» [С. 179], «дерновая вогнутая крыша кузни вся в наростах

мха, бархатно-изумрудных, с коричневым отливом», «конец ее как бы опирается в небосклон — чуть зеленоватый, сентябрьский».

В природе присутствует много света: «...кое-где золотится паутина, сентябрь в золотистом солнечном свете и прозрачной тени» [Там же]. Но в мире человека нет света: «Учитель идет и косится на избы, на их окошечки и крыльца... Окошечки крохотные, темные» [С. 180], «Огней нет, избы темны и тихи» [С. 186]. Свет заменен искусственным блеском: «Тень от избы скосилась, передвинулась, солнце падает на водовозку, печет лицо, так густо облепленное мухами, точно на нем черный рой привился, печет худой кострец, голые ноги, блестящие от загара» [С. 180], «Увидав гостя, он легонько и ловко всекает в бревно блеснувший на солнце топор» [Там же].

Природное пространство представлено и тактильными, осязательными характеристиками: «тут чуть тянет холодком с севера», «в шелковистую, сухую траву» [С. 179], «Он уходит за деревню, в поле, и долго шагает в полутьме по мягкой, пыльной дороге» [С. 186].

Слуховое восприятие в хронотопе рассказа — это контраст тишины и резких звуков: «В саду, уже поредевшем, тишина» [С. 179]; «порой с коротким стуком падает в шелковистую, сухую траву спелое яблоко» [Там же], «тихо», «сыпят кузнечики» [С. 181], «озабоченно бродят куры, раздрают лапами золу, землю, клюют что-то, кудахтают, приманивая цыплят» [С. 179], «цыплята с писком рассыпаются» [С. 180].

Доминантным запахом в рассказе является запах конопляника, который одурманивает и преследует героя на протяжении всего рассказа: «под солнцем пыльно и сытно пахнут конопляники» [С. 186], «гуще и свежее пахнут конопляники в вечерней тени» [С. 185]. Этот запах приводит учителя к дому древнего человека. Жилище Таганка не только пропитано запахом конопляника, но и состоит из него: «против конопляников приделано к каменной стене варка нечто вроде шалаша, сбитого из кольев и обшитого замашками» [С. 183]. Замашка представляет собой бесплодную (мужская, пыльниковая) коноплю, дерганцы, посконь. Также замашкой зовут и посконную пряжу, и самый холст. Замашный или замашковый, спряденный или сотканный из замашки, то есть посконный [З. С. 547]. Исследователь сенсорного кода в творчестве Бунина М.Ю. Фиш отмечает особую роль запаха в его творчестве. Он способен воздействовать на человека в трех измерениях: из прошлого, возвращая к прежним событиям и переживаниям, в настоящем, помогая ощутить полноту текущего момента, и в будущем. В творчестве писателя запах знаменует выход за пределы упорядоченной реальности в чувственную сверхреальность [см. 4].

Несмотря на долгую жизнь Таганка, все его имущество — это «Гнилые розвальни без оглоблей, покрытые соломкой, служат ему постелью. На соломе нет даже попонки. В изголовье, вместо подушки, — свернутый

рванный чекмень, и по цвету видно, что чекменю этому полвека. У изголовья — столик из дощечки и кольев; на дощечке — подобие шкатулки, а в ней все добро, все хозяйство Таганка; моток ниток, варежки, тавлинка из бересты с нюхательным табаком...» [С. 183]. То есть вместо кровати у него сани, а одеялом служит чекмень (верхняя мужская одежда в переходной форме между халатом и кафтаном) [5. С. 756]. И самое ценное — это тавлинка — плоская табакерка из бересты [Там же. С. 698]. Но сам Таганок и его вещи хранят отпечаток памяти. И только учитель этого не понимает. Поэтому автор отмечает особую трогательность всех вещей.

«Таганок показывается из-за угла, — невысокий, с опущенными плечами, — и подвигается неловко, вразвалку опадая с одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, в больших лаптях. Полушубок, почти голый с исподу, — вытерлась овчина, — стал широк, полы его висят. Большая шапка надета глубоко, немного криво» [С. 182]. Он слит с природой, похож на обрубок корня дуба, который служит ему местом отдыха.

Таганок является представителем крестьянской среды, которая всегда отличалась верностью традициям. С одной стороны, автор отмечает, что Таганок, «одолев больше века, невольно и сам считает себя особенным человеком». Но с другой, он не знает, «заслужил ли он наконец право быть при господах в шапке» [Там же].

В портретных характеристиках древнего человека автор отмечает контраст: большие ноги, опущенные плечи, большая шапка, широкий полушубок, искривленные работой и простудой пальцы и в то же время легкие, как ковыль, волосы, белая борода, детская худая шея. Доминантой портретной характеристики являются глаза героя — «выцветшие, налитые слезами глаза» [Там же]; «Нижнее веко левого глаза немного разорвано и оттянуто книзу; этот глаз, полный слезою, совсем безжизнен. В правом — слабая мысль, слабая жизнь, чуждая всему нашему миру» [С. 183], «глаза совсем остекленели» [С. 186]. Таганок сосредоточен на своем внутреннем мире, глаза его уже не горят огнем жажды познания жизни, он постоянно натягивает шапку на глаза. Каменецкая Т.Я. отмечает особую функцию зрения героев, когда глаза отражают различные взгляды на мир, формируют видение персонажа. Так, учитель стремится понять Таганка, наблюдая за ним. Он «шурит зоркие зеленоватые глаза», не спускает глаз с древнего человека и в результате «тупо, долго глядит». Глаза Таганка, как и его внутренний мир, закрыты для «прочтения» другими субъектами. Он чувствует «разновременную реальность в единой временной точке» [6. С. 154] и существует и в прошлом и в настоящем.

Таганок не играет роли, он прост, знает жизнь и слит с ней. Автор симпатизирует ему: «но краткие, трогательные и пустяковые ответы Таганка сбивают с толку» [С. 183]. Учитель думает о глобальном, он не растворен в жизни, в нем нет гармонии: «Сколько было за этот век

переворотов, открытий, войн, революций, сколько жило, славилось и умерло великих людей! А он даже малейшего понятия не имел никогда обо всем этом. Целых сто лет видел он только вот эти конопляники да думал о корме для скотины!» [Там же]. Учитель нервничает. Он хочет системы, а в жизни ее нет: «Систематически надо, систематически, — думает учитель, — с самого начала надо начать...» [С. 184]. Он хочет препарировать жизнь, пытается разделить ее на важные и не важные составляющие, не понимает, почему Таганок не помнит ключевые, по его мнению, моменты истории: «Учитель нервно курит, хмурится: нет, ничего путного не выходит из его расспросов! Он хочет понять тайну жизни, разгадать ее секрет: он силится войти в душу и тело этого необыкновенного человека — и никак не может примириться с тем, что говорит необыкновенный человек очень обыкновенно, рассказывает же только пустяки» [Там же]. Несмотря на то, что учитель хочет услышать от Таганка рассказ о прошлом, частотными глаголами являются: «говорит», «знает», «спрашивает». Эти глаголы в настоящем времени. И только один глагол в прошедшем времени — «было» как символ вечности. Таким образом, Бунин представляет человека не как характер, а как состояние или повседневное сознание. Мысли и поступки вытекают у героя состоянием, ощущением, воспоминанием. Все существо бунинского человека настроено на восприятие жизни, а не на ее объяснение.

Автор отмечает, что каждый человек — это сосуд: «Часто охватывает страх и боль, что вот-вот разобьет смерть этот драгоценный сосуд огромного прошлого. Хочется поглубже заглянуть в этот сосуд, узнать все его тайны, сокровища» [С. 183].

Рассказ начинается с восхождения молодого учителя на гору как символа пути, а заканчивается пространственным символом порога как пограничного состояния древнего человека между жизнью и смертью.

Таким образом, пространственная точка зрения формирует антиномии визуальных образов, выводящих к проблеме жизни и смерти, имеющей для Бунина концептуальный, смыслопорождающий характер. Временная точка зрения в повествовании бунинских произведений раскачивается от настоящего к прошлому и от него вновь к настоящему, но со смещениями внутри того и другого временного плана.

Литература

1. *Бунин и Кузнецова*: Искусство невозможного: Дневники, письма. М. 2006.
2. *Бунин И.А.* Собр. соч. В 6 т. М., 1987. Т. 3. Далее указ. только стр.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М. Т. I.
4. *Фиш М.Ю.* Сенсорные коды поэтики цикла рассказов И.А. Бунина

«Темные аллеи». Дисс. <...> канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2006.

6. *Каменецкая Т.Я.* Эволюция повествования в произведениях И.А. Бунина 1910–1920-х годов. Дисс. <...> канд. филол. наук. Екатеринбург, Урал. гос. ун-т им. Горького, 2008.

*Воронежский государственный
технический университет*
